

- месленный термин считать родственным праслав. **kositi*, **česati* (ср. достопримечательную попытку О.Н. Трубачева поднять эту корневую этимологию на высший уровень: Трубачев О.Н. Ремесленная терминология, 164; ЭССЯ 11, 187 и сл.). Но прямого соответствия между **košelъ* и *quālum* нет.
- 22 Судя по мозаичному изображению битвы Александра из Неаполя, полотняными знаменами первыми пользовались персы времен Ахеменидов; о парфянских змеевидных знаменах см. Атт. XVI 10.7, о их скифском происхождении – Агг. Таст. 53 (Herch.). Подобные дакские знамена, изображенные на столпе Траяна, являются также результатом древнеиранского влияния. Ср.: Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, 2. von A. Nehring 1–2. Berlin, 1917–1928, I, 278 и сл.
- 23 Др.-греч. *φάλαγξ* могло обозначать и строй конницы, ср. у Ксенофонта Сур. VI 3.2, Ages. II, 9.
- 24 Кстати, существует большая разница между этими двумя словами не только в семантике, но и в форме, так как по отношению к *xalqqa* в **xorǫgy* < *φάλαγγ*- наблюдается “иранизация” чужого *l* в *r*, перемещение ударения и иное оформление основы.
- 25 Менгес выводил его из глагола ‘вертеть’ (Menges K.H. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igoŭ Tale (Slovo o Rъlku Igorevѣ) // Word 7. Supplement Monograph No. 1, 1951, 59–63), тогда как Поппе в рецензии на эту работу в качестве альтернатив предполагал первоначальные значения ‘то, что на верху (телеги)’ или ‘оленьи рога’ (Poppe N. Word 9, 1953, 98).
- 26 Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft I: Lautlehre, bearb. u. hrsgg. von P. Aalto. Helsinki, 1957 (Mémoires de la Societé Finno-Ougrienn 104), 39–40.
- 27 Впрочем, допущение альтернативного пути слова из древнегреческого в скифский, из скифского – уже с *χ* – в славянский и из славянского в тюркско-монгольский помогло бы разъяснить вокализм монгольской формы (слав. *q* > *-on/-un-*, кот. потом, согласно закону о гармонии гласных, меняет тембр исконного **a* в первом слоге).

Р. Маревич

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СИСТЕМЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. ПОНЯТИЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

1.1. Понятие и термин антропонимическая категория и я впервые были введены в славистический научный оборот в нашей статье “Антропонимические категории в древнерусском языке (к реконструкции праславянской антропонимической системы)”¹. В данной статье, а также в книге «Посессивные производные в древнерусском языке: Антропонимическая система. Топонимия. “Слово о полку Игореве”», антропонимические категории описываются следующим обра-

зом: “В множестве антропонимов одной культурно-языковой системы выделяем антропонимические категории как подмножества, имеющие особый формально-грамматический облик и самостоятельное ономотологическое значение. Другими словами, для того чтобы один тип антропонимических наименований получил статус антропонимической категории, он должен удовлетворить двум критериям: 1) иметь специфичный формально-грамматический облик, отличный ото всех иных типов наименования лица; 2) иметь свое особое ономотологическое значение в процессе номинации”². Исходя из двух указанных критериев, в упомянутой статье и в разделе “Антропонимическая система” упомянутой книги в древнерусском языке выделяются четыре антропонимические категории: личные имена, имена по мужу, мужские патронимы и женские патронимы (первые три категории были уже сформулированы, в то время как последняя – женские патронимы – находилась в процессе формирования).

1.2. В статье “Славянские антропонимы”, прежде чем рассматривать вопросы являющиеся ее предметом, – “1) Каковой была праславянская антропонимическая система и из каких компонентов она состояла? 2) Какие изменения происходили в антропонимических системах отдельных славянских языков в ходе исторического развития, после их выделения из праславянского языка? 3) Каковы существенные признаки антропонимических систем современных славянских языков?”, – мы должны были объяснить понятие антропонимической категории. “Под понятием антропонимическая категория подразумеваем тип наименования лица, который отличается как формально-грамматически, т.е. имеет особую словообразовательную структуру, так и семантически, т.е. имеет особое ономотологическое значение. В этом смысле антропонимические категории – компоненты, составляющие антропонимическую систему одного языка и культуры”. В дальнейшем изложении утверждается, что в праславянском языке существовали “три сформированные антропонимические категории, три типа наименования лица, имеющие особую формальную структуру и особую семантическую структуру”: личные имена, мужские и женские; отчества, только мужские; имена по мужу, естественно – только женские³.

II. ЛИЧНЫЕ ИМЕНА – ПЕРВИЧНАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

2.1. В докладе на VI Югославской ономастической конференции О.Н. Трубачев пришел к выводу, что древние двутематические славянские антропонимы, хотя они на самом деле и образованы сложением двух апеллативных основ, все-таки несут в себе новое качество, составляя категорию, которую можно было бы назвать *onomata tantum*, и что они “лишь формально допускают развертывание фраз

4. Этимология...

типа” **Їstiborъ* ‘тот, кто борется за честь’, **Їstiradъ* ‘кто рад чести’, **Dal’ evoжъ* ‘кто воюет издалека’, **Dalimilъ* ‘кто мил вдали’, **Gostislavъ* ‘кто славен гостями’, **Xornimirъ* ‘кто охраняет мир’, **Kazimirъ* ‘кто губит мир’, “ономастическим свертыванием которых эти имена якобы являются”. Русский лингвист полагает, что у указанных антропонимов действительно была другая история, “что доказывается практическим отсутствием у двусосновных имен, выделяемых нами в группу *o p o t a t a t a n t u m*, идентичного исходного аппеллативного сложения. Это означает, что перед нами чистые изначальные *popina* *prorgia*, созданные в результате моментального однократного акта номинации [...], для которого не потребовались предварительные акты аппеллативного словосложения и синтаксического фразообразования”⁴.

В последовавшей затем дискуссии мы в принципе поддержали эту главную идею, основную мысль доклада Трубачева, т.е. идею о том, что славянские двусосновные антропонимы могут возникнуть и возникали до самих аппеллативов. Тогда же мы выдвинули свою концепцию возникновения праславянских двутематических личных имен: “если антропонимы возникли в результате непосредственного процесса номинации в рамках личных имен, предварительно не существуя как аппеллативная лексика, то весьма возможно, что личные имена типа *Jaroslavъ*, *Ratiborъ* на самом деле – субстантивированные прилагательные с суффиксом *-os > -ъ* и что они, следовательно, имели значение *Jaroslavъ* ‘тот, кто славен в молодости’ и т.п. (смотря уже по значению компонентов имен). В подтверждение этому толкованию словообразовательно-семантической структуры двутематических славянских антропонимов можно было бы привести три довода: во-первых, эти основы глагольного происхождения, и их перевод в именные основы должен был осуществляться суффиксацией; во-вторых, существовал суффикс *-os > -ъ*, имевший структуральную функцию, – использовался для образования имен прилагательных от основ имен существительных и глаголов, характеризуясь более широким относительно-посессивным значением: в-третьих, параллельно с мужскими именами типа *Jaroslavъ* ‘тот, кто славен в молодости’ в праславянском языке существовали женские личные имена, парные им, типа *Jaroslava* ‘та, кто славна в молодости’ (точнее: ‘та, кто будет славной в молодости’)”⁵.

В своих предыдущих работах об антропонимических категориях мы личные имена определяли следующим образом: “От других антропонимических категорий личные имена существенно отличаются: с формально-грамматической стороны – тем, что не содержат в своей словообразовательной структуре посессивную морфему; с семантической стороны – тем, что номинацию осуществляют непосредственно, а не через имена других лиц”⁶.

2.2. Свое новое, целостное толкование праславянских двусосновных личных имен как субстантивированных адъективных форм, возникших в результате комбинации композиции и деривации (суффиксации). С эксплицитно или имплицитно выраженным значением императива 3 л.

ед.ч. начального компонента и качественно-посессивным значением конечного компонента, мы устно (и попутно) обосновывали на XXVIII Научной конференции славистов в дни Вука Караджича (Белград, сентябрь 1998 г.) и на IV Научной конференции лингвистов “Дни Бошковича” (Подгорица, октябрь 1998 г.); в печатной же форме мы впервые излагаем его в настоящей работе.

Старший тип праславянских двусловных личных имен состоял из двух компонентов, оба были выражены и формально, и семантически: начальный компонент был выражен императивом (с сохранившимся древним оптативным значением) третьего лица единственного числа, а конечный – качественно-посессивным адъективом (адъективом в значении обладания качеством), образованным структуральным суффиксом **-ǫs > -ъ*: *Bqdislavъ* ‘пусть будет (новорожденный мальчик) славным’, *Bqdislava* ‘пусть будет (новорожденная девочка) славной’.

Вместо императива глагола *byti* первый компонент мог быть выражен формой 3 л. ед.ч. императива какого-нибудь другого глагола: *Borislavъ* ‘пусть борется, чтобы стать славным, пусть борется за славу’, **Vortislavъ* ‘пусть возвратит славу’, *Mъstislavъ* ‘пусть отомстит за славу’, **Voldimirъ* ‘пусть мирно/ в мире правит’, **Voldiměrъ* ‘пусть с мерой/мерно правит’, **Bornislavъ* ‘пусть защищает славу’, *Svętislavъ* ‘пусть укрепит славу’ и т.д.

Младший тип праславянских личных имен состоял из трех семантических компонентов, из которых только два были и формально выражены: начальный компонент в форме третьего лица единственного числа императива *bqdi* формально не представлен (эллипсис), но он присутствует в семантической структуре; конечный компонент представлен, как и в старшем типе, качественно-посессивным адъективом с суффиксом **-ǫs > -ъ*; средний компонент, выраженный адъективной основой в адвербиальной функции, соединяется с конечным тематическим гласным **ǫ* основ (им уточняется значение конечного компонента). Например: *(bqdi) radoslavъ > Radoslavъ* ‘пусть будет радостно славным’, *(bqdi) radoslava > Radoslava* ‘пусть будет радостно славной’. Это означает, что личное имя *Jaroslavъ* семантически интерпретируется не как ‘тот, кто славен в молодости’, а *Jaroslava* не как ‘та, кто славна в молодости’, и даже не как ‘та, кто будет славной в молодости’, как мы толковали их раньше⁷, а с начальным значением славянского императива (индоевропейского оптатива) третьего лица единственного числа: *Ярославъ < (bqdi) jaroslavъ* ‘пусть (мальчик) будет рано/в молодости славным’, *Ярослава < (bqdi) jaroslava* ‘пусть (девочка) будет рано/в молодости славной’.

Не входя здесь в дальнейшую словообразовательную историю двух приведенных типов (старшего и младшего) праславянских двутематических имен, мы попытаемся уточнить семантическое и формально-грамматическое определение личных имен как праславянской антропонимической категории (ср. п. 2.1).

Личные имена – это праславянская антропонимическая

категория, существенно отличающаяся и грамматически, и семантически от других антропонимических категорий (имен по мужу и мужских патронимов). 1) В формально-грамматическом отношении личные имена можно определить как антропонимы, не содержащие в своей словообразовательной структуре посессивной морфемы, т.е. суффикса со значением принадлежности лицу, и как антропонимы, образованные в результате композиции, с начальным компонентом в форме императива третьего лица единственного числа в оптативном значении и с конечным компонентом в форме адъектива в значении обладания качеством, образованного структуральным суффиксом **ōs* > *ъ* для мужского и **ā* > *-a* для женского рода. Антропоним мог иметь средний компонент, присоединяющийся к конечному с помощью тематического гласного (интерфикса) *o* после твердых и *e* после мягких согласных, но в этом случае начальный компонент, оставаясь в семантической структуре, выпадает из формальной структуры антропонима: (*bqdi*) *miloslavъ* 'пусть будет милым и славным', (*bqdi*) *vъs' eslava* 'пусть будет во всем славной'. 2) В отношении ономастического значения личные имена определяются как антропонимы, осуществляющие наименование непосредственно, а не посредством имен других лиц.

И по формальному, и по семантическому признакам личные имена можно рассматривать как первичную антропонимическую категорию, а имена по мужу и мужские патронимы – как вторичные антропонимические категории.

III. ИМЕНА ПО МУЖУ И МУЖСКИЕ ПАТРОНИМЫ – ВТОРИЧНЫЕ АНТРОПОНИМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

3.1. Статус имен по мужу как праславянской (и общеславянской) антропонимической категории доказан нами в статье "Праславянские имена по мужу, их следы и судьба в сербохорватском языке"⁸. Эта антропонимическая категория предварительно описана в древнерусском⁹, а потом и в староукраинском¹⁰ и старославянском¹¹ языках.

Имена по мужу как антропонимическая категория определены с формального и семантического аспектов следующим образом: "По форме имена по мужу являются притяжательными прилагательными с показателем определенности, образованными от основы мужского личного имени или нарицательного существительного, обозначающего мужское лицо. Они употреблялись только в субстантивной функции, хотя морфологически принадлежали к местоименному склонению имен прилагательных [...]. С формальной стороны [...] имена по мужу характеризуются присутствием посессивной адъективной морфемы в своей структуре, с семантической же стороны их отличает опосредованная номинация: лицо называется не прямо, а через имя мужа"¹².

3.2. Праславянский характер мужских патронимов не нуждался в доказательстве; нужно было доказать присутствие посессивной морфемы в их словообразовательной структуре. Мы это и доказали, опровергнув теорию Р. Якобсона, в статье “Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка”¹³.

Мужские патронимы как антропонимическая категория определены следующим образом: “С формально-словообразовательного аспекта это субстантивные производные с суффиксом **-ŋiǫ* (в древнерусском *-iǫbь*); кроме того, они содержат, согласно нашему толкованию, посессивную морфему в своей словообразовательной структуре и образуются от основы притяжательного прилагательного [...]. С семантического аспекта мужские патронимы – это антропонимы, осуществляющие номинационную функцию опосредованно, через имя отца”¹⁴.

VI. ВЫВОДЫ

4.1. Личные имена можно определить как основную (первичную) антропонимическую категорию праславянского языка: это тип наименования, не мотивируемый другими антропонимами и характеризующийся непосредственной номинацией. Имена по мужу и мужские патронимы можно определить как производные (вторичные) антропонимические категории праславянского языка: они мотивируются другими антропонимами (личными именами) и характеризуются опосредованной номинацией – ими лицо именуется не прямо, а через имя другого лица (соответственно мужа или отца).

4.2. Личные имена можно определить как непосессивную антропонимическую категорию: в их морфемной структуре не выражен суффикс индивидуальной принадлежности. Они выражают значения повелительности с оттенком желанья и качественности типа ‘пусть будет славным’ для мужских и типа ‘пусть будет славной’ для женских лиц. Имена по мужу и мужские отчества, а также женские отчества (антропонимическая категория в формировании) можно определить как посессивные антропонимические категории: в их словообразовательной структуре представлен суффикс индивидуальной принадлежности. При этом и имена по мужу, и мужские патронимы мотивируются непосредственно посессивом (притяжательным прилагательным), а опосредованно (косвенно) – личным именем мужа или отца соответственно. Имена по мужу и мужские патронимы при том отличаются между собой не только семантически, но и формально-грамматически: имена по мужу возникли в результате синтаксического словообразования – лексикализации словосочетания, состоящего из формы женского рода единственного числа посессива и формы женского рода единственного числа анафорического местоимения, в то время как мужские патронимы образованы в результате деривации – с помощью суф. **ŋiǫ* от основы посессива.

Примечания

- ¹ *Маројевић Р.* Антропонимске категорије у староруском језику (Прилог питању реконструкције прасловенског антропонимског система) // Ономатолошки прилози. Књ. IV. Београд, 1983, 137.
- ² *Он же.* Посесивне изведенице у староруском језику: Антропонимски систем. Топонимија. “Слово о полку Игореве”. Београд, 1986, 7.
- ³ *Он же.* Словенски антропоними // Ономатолошки прилози. Књ. V. Београд, 1984, 183–184.
- ⁴ *Трубачев О.Н.* Праславянская ономастика в Этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1–13 // Сборник Шесте југословенске ономастичке конференције (Доњи Милановац, 9–12. октобар 1985). Београд, 1987, 14–15.
- ⁵ *Маројевић Р.* Дискусија // Сборник Шесте југословенске ономастичке конференције (Доњи Милановац, 9–12. октобар 1985). Београд, 1987, 81.
- ⁶ *Он же.* Антропонимске категорије..., 138; *Он же.* Посесивне изведенице..., 8.
- ⁷ *Он же.* Дискусија, 81.
- ⁸ *Он же.* Прасловенска имена по мужу, њихови трагови и судбина у српско-хрватском језику // Књижевност и језик, 1982, № 3–4, 231–234.
- ⁹ *Мароевич Р.* Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа *Vbsevoložaja* в древнерусском языке) // ВЯ, 1981, № 5, 106–118. Ср. также: *Маројевић Р.* Антропонимске категорије..., 140–154; *Он же.* Посесивне изведенице..., 10–32.
- ¹⁰ *Маројевић Р.* Имена по мужу у староукрајинском језику // Ономатолошки прилози. Књ. VII. Београд, 1986, 125–139.
- ¹¹ *Он же.* Имена по мужу у старославенском језику // Сборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XL/2. Нови Сад, 1997, 181–186.
- ¹² *Он же.* Словенски антропоними, 184.
- ¹³ *Он же.* Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка // ОЛА 1988–1990. М., 1993, 103–111. Интересно, что эта статья была написана еще в 1981 г., но по стечению обстоятельств вышла из печати только через двенадцать лет; сербский вариант был написан позднее, но опубликован намного раньше (*Маројевић Р.* Антропонимске категорије..., 154–164; *Он же.* Посесивне изведенице..., 32–56).
- ¹⁴ *Он же.* Посесивне изведенице..., 32.

В.В. Мартынов

СЛАВЯНСКИЕ АНАГРАММЫ

Рассмотренные в статье реконструированные формы соответствуют имени двух главных славянских божеств: Перуна и Волоса (Велеса). Остальные славянские боги, как мы уже старались доказать в ряде исследований, иранского происхождения. В пользу этого были приведены многочисленные доводы, которые мы здесь не будем повторять¹. Задача этой статьи заключается в том, чтобы истолковать выделенные примеры с точки зрения их анаграмматической структуры², что позволяет также уточнить реконструкцию третьей анаграммы.